

КЕННЕТ ДУН

НЕ ТАМ,
ГДЕ НАДО

Кеннет Дун

Не там, где надо

«Автор»

2023

Дун К.

Не там, где надо / К. Дун — «Автор», 2023

Это дело оказалось самым мрачным и непредсказуемым в карьере Дугласа Стина и Лекси Бальтазар. Завершив изматывающее расследование, Стин узнает, что его старший брат Уоррен арестован по подозрению в убийстве коллеги. На первый взгляд, все указывает на его вину: отсутствие алиби, оружие преступления и даже не один, а целых два мотива. Но интуиция не дает Стину поверить в вину брата – он сомневается, что тот способен на хладнокровное убийство. Тем временем, чтобы сохранить бизнес, Дуглас соглашается на просьбу миллионера из Лагуна-Бич последить за его молодой женой. Неожиданно оба дела пересекаются, раскрываются старые секреты, в том числе и связанные с семьей самого Дугласа Стина. Пятый роман Кеннета Дуна предлагает читателям вновь окунуться в атмосферу Лос-Анджелеса начала 60-х – эпоху коротких платьев, шляпок и больших автомобилей, когда еще не было компьютеров, смартфонов и анализа ДНК. И вместе с Дугласом Стином разгадать новые литературные загадки.

© Дун К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кеннет Дун

Не там, где надо

«С женщиной можно делать только три вещи, – сказала как-то Клеа. – Ты можешь любить ее, страдать из-за нее и превращать ее в литературу». Я потерпел фиаско на всех трех фронтах одновременно¹.

*Не вовремя, не там, где надо,
Не ту опять встречаю!
Чисты и ровны тропки сада;
Как сладок воздух мая!
Но как мне отыскать тебя, отрада?²*

¹ Лоуренс Даррел «Александрийский квартет», перевод В. Михайлин

² Роберт Браунинг «Не вовремя, не там, где надо...», перевод Э. Ю. Ермаков

Глава 1

В комнате свиданий было сумрачно и серо, а запахи кислой плесени и хлорки, казалось, соревновались в моей носоглоотке за право стать основным источником головной боли. Я осторожно прошел между столов, стараясь никого не потревожить, но зря беспокоился – арестанты и их посетители не обращали на окружающих никакого внимания. Каждый стол, скамейка или стул здесь превращался в изолированный мир, защищенный от внешнего воздействия невидимыми, но прочными стенами.

Кто-то играл с детьми в кубики под мрачными взглядами высохшей молодой женщины и пожилой матроны с поджатыми губами. Кто-то тихо, но очень яростно переругивался со своей половиной, другие что-то втолковывали отпрыскам и младшим братьям, третьи вели деловые переговоры с таким видом, будто расположились в клубной библиотеке, а не за решеткой. Я подумал, что для многих заключенных тюремные свидания стали возможностью добиться того внимания от близких, которого они не получали в обычной жизни.

Охранник показал мне на свободный стол и попросил подождать. Я стал гадать, не откажется ли мой брат в последнюю минуту от свидания. С тех пор как его заключили под стражу, он не хотел видаться ни с кем, кроме адвоката. Ни с отцом, ни с женой, ни с нашим старшим братом Джорджем. Поскольку речь шла о преднамеренном убийстве, подозреваемому отказали в выходе под залог, и, как я полагал, это оказало на моего брата деморализующее действие.

И все-таки мне удалось убедить его встретиться со мной. Во всяком случае, хотелось бы на это надеяться.

Наконец-то показался еще один охранник, который привел моего брата. Хоть мы не виделись с ним около пяти лет, я подозревал, что основные изменения в его внешности произошли за последнюю неделю.

Под глазами набухли черные мешки, кожа лица посерела, а складки вокруг рта превратились в настоящие канавы. Мятый костюм висел на нем мешком, из-под пиджака выглядывала несвежая рубашка.

– Здравствуй, Уоррен, – сказал я, когда брат сел за стол.

– Привет, Дуг, – отозвался он без энтузиазма.

Я замялся. Он так и не спросил меня, зачем я настаивал на свидании, как будто его это совершенно не интересовало. Всем своим видом брат демонстрировал, что вообще предпочел бы сидеть кулем на стуле и молчать, раз уж мне вздумалось тратить его бесконечно свободное время.

– Тебе принести свежий костюм? – спросил я наконец.

– Спасибо, не надо. Жена передала, – Уоррен вяло мотнул головой.

Теперь я заметил, что костюм у него хоть и мятый, но чистый, а воротничку рубашки не больше двух дней. То же можно было сказать о щетине, покрывавшей щеки брата. То есть позавчера он побрился и сменил сорочку, а вчера решил пропустить туалет. Как будто так и не определился – продолжать ли цепляться за свою привычную жизнь или махнуть на себя рукой. Я видел разных людей в тюрьме в ожидании суда. Некоторые сразу превращались в опустившихся бродяг, что не добавляло им очков в глазах присяжных и судей. Некоторые теряли светский лоск, но поддерживали себя в приличной форме, насколько позволяли обстоятельства. А были люди, которые даже в тюрьме вели себя так, будто это филиал «Бeverли-Уилшир»³ с первоклассным обслуживанием в номерах. На допросы они являлись в до блеска начищенных

³ Роскошный отель на пересечении Родео-Драйв и бульвара Уилшир. В нем останавливались многие знаменитости и кинозвезды, также служил популярным местом для киносъемок. Построен в 1928 году, является ярким представителем архитектуры ар-деко. С 2006 года входит в сеть «Времена года» (Four Seasons).

туфлях и благоухая тальком. И не сдавались даже после обвинительного приговора, продолжая выглядеть так, будто их с минуты на минуту освободят и выдадут на входе клубный галстук, бумажник и золотые часы.

Похоже мой брат пока что застрял на перепутье. По всем признакам он выглядел как человек, готовый сдаться на милость судьбы и присяжных, но было что-то в его облике, что указывало – Уоррен не растерял еще весь огонь и предприимчивость, когда-то приведшие его к успеху. Мощные силы тянут его на дно, но он не откажется от шанса на спасение.

– Я помогу вытащить тебя отсюда.

Уоррен равнодушно кивнул.

– Интересно, как? Насколько я знаю, у прокурора есть улики и мотив. Моя собственная жена допускает, что я мог убить Винса. Даже мой адвокат советует сослаться на временное помешательство и попытаться договориться о неумышленном убийстве. От пятнадцати до пожизненного, смогу выйти лет через десять за хорошее поведение. Вот только прокурор на это не пойдет. У него железное обвинение. Он мечтает отправить меня на электрический стул.

Так вот в чем заключалась стратегия защиты. Хотя мой брат нашел знаменитого уголовного адвоката Юджина О'Мэлли и платил тому немалые деньги, видимо, тот сам сомневался в возможности выиграть дело. При нашей встрече О'Мэлли снисходительно отказался от моей помощи, всем видом дав понять, что он – профессионал и не нуждается в том, чтобы родственники путались под ногами. Похоже, его единственным козырем было досудебное соглашение.

– И ты готов признать себя виновным? – спросил я брата.

– А у меня есть выбор? Как бы там ни было, я не хочу позорить семью публичным слушанием.

Я как будто снова услышал отца. Честь семьи превыше всего.

– Ты можешь побороться. Для начала рассказать мне или адвокату о том, что ты делал в ту субботу. Тогда мы сможем найти свидетелей и подтвердить твоё алиби.

Уоррен сжал зубы и покачал головой.

– То, что я делал в тот день, никого не касается. Это не имеет никакого отношения к убийству Винса.

Упрямый осел и всегда был таким. Вообще-то Уоррен был довольно гибким и умел приспособливаться к обстоятельствам, всегда знал, куда дует ветер, и действовал соответственно. Поэтому и сумел добиться такого успеха. Но уж если ему случалось упереться в какую-то глупость, то никто не мог переубедить его отступить. Особенно это казалось случаев, когда от Уоррена требовалось признать собственные ошибки. Мой брат скорее пошел бы в тюрьму, чем дал кому-то себя назвать дураком, трусом или лжецом. Интересно, в какой из этих трех вариантов он вляпался на этот раз?

Я взглянул на циферблат часов, висевших на стене, и понял, что понапрасну теряю время. Разговор не клеился. Уоррен снова обреченно закрыл глаза, утратив интерес к происходящему.

– Мне пора, – я поднялся со стула. – Хочу, чтобы ты знал. Я не брошу твоё дело.

– Подожди, Дуг, – брат подался в мою сторону. – Ты действительно веришь, что я не убийца?

– Теперь верю, – ответил я.

Глава 2

Я сказал брату правду. Я далеко не был убежден в его невиновности шесть дней назад, когда наш отец вломился ко мне в агентство и сообщил, что я обязан помочь вытащить Уоррена из тюрьмы. Более того, я разозлился.

– Пусть наймет адвоката, – бросил я.

– Уже нанял. Юджина О’Мэлли из «Далтон, О’Мэлли и Голдстейн», – заносчиво произнес отец. – Уоррен может себе позволить.

Естественно, я знал эту контору, она считалась одной из лучших в Лос-Анджелесе по уголовным делам. Отец впился в меня взглядом, ожидая реакции. Что я должен был сказать? Что очень горжусь тем, какого успеха достиг мой брат, раз может нанять одного из самых дорогих адвокатов? Интересно, почему О’Мэлли, а не самого Далтона, если его имя стоит в названии первым? Тут я разозлился по-настоящему.

– Не понимаю, чего ты хочешь от меня? Уоррена будет защищать настоящий ас. Он вмиг развалит ошибочное обвинение. Спасибо, что предупредил меня лично, – сказал я мягче. – Не знаю, напишут ли об этом в завтрашних газетах.

– Конечно, напишут! – отец явно был возмущен, что я не следил за карьерой брата. – Его коллегу Винсента Ричардса из рекламного агентства «Ар энд Джи» убили почти неделю назад. Об этом писала даже «Таймс»! Наверняка уже в вечерних выпусках будет сообщение, что убийца пойман.

И снова я не понял тон своего папаша. То ли он печалился, что на нашу семью обрушится дурная слава, а репутации Уоррена будет нанесен непоправимый урон, то ли гордился тем, что преступление его сына освещают даже центральные газеты. Я поднапряг память. Хотя неделю назад я был занят совсем другим делом, отнимавшим у меня почти все время и умственные ресурсы, поэтому практически не читал прессу, я вспомнил, что видел краем глаза репортаж об убийстве Винсента Ричардса. Его называли калифорнийским плейбоем и восходящей звездой рекламного бизнеса. Кажется, его застрелили в собственном загородном доме где-то в горах Сан-Антонио. В статье высказывалось предположение, что это дело рук грабителя или бездомного, но у полиции, видимо, оказались другие соображения.

– Положение очень серьезное, – продолжил отец. – Советник О’Мэлли сообщил, что залога не будет. Прокурор уверен в победе, у них железобетонные улики.

– Я не понимаю, чего ты от меня хочешь?

– Ты должен поднять свои старые связи в полиции! В прокуратуре! Узнай, что это за «улики» такие. Может, с этим можно что-то сделать? В конце концов, ты все еще свой, хоть не работаешь в системе.

Я не верил своим ушам. Мой отец, не скрываясь, предлагал мне воспользоваться старыми связями, чтобы подкупить полицейских, работавших по делу Уоррена. Семь лет назад он отказался даже выслушать мои доводы, почему я решил бросить работу в полиции и заняться частным сыском, разорвал со мной общение, не разу не поинтересовался, как я жил все эти годы, а теперь врывается ко мне в кабинет, уверенный, что я приду по первому требованию на выручку брату, легко найдя взаимопонимание с бывшими коллегами. Причем, взаимопонимание вполне в отцовском стиле – он был бизнесменом старой закалки и до сих пор был убежден, что нет вопроса, который нельзя было бы решить взяткой.

А, собственно, вообще зачем мне влезать в дела Уоррена? Если полиция уверена, что он убил этого Винсента, то должны быть на то основания. Я и так потерял почти две недели, занимаясь личными делами. В результате моя партнерша Лекси Бальтазар угодила в больницу

и вряд ли выйдет оттуда в ближайшее время⁴. А мне, чтобы сохранить контору на плаву, надо немедленно найти клиента, причем желательно с основательной проблемой, требующей нескольких дней, лучше даже недель слежки и оперативной работы. Вряд ли мой отец или братец собираются мне заплатить гонорар, чтобы я занялся этим делом.

Правда, родителю своему я всего этого, конечно, не сказал. Все-таки я слюнтяй и до сих пор робею перед отцом, хоть он мне ясно дал понять, что в грош меня не ставит.

– Папа, все устроено не так. Если я пойду в полицию и начну разнюхивать насчет дела Уоррена, я только все испорчу. Не знаю, какие у них есть улики или иные доказательства, хороший адвокат может их опровергнуть. Но если станет известно, что родственник подозреваемого пытался повлиять на ход следствия, это будет только на руку обвинению. Меня могут вызвать в суд, и мне придется пересказать сегодняшний разговор. Ничто так не настраивает присяжных против обвиняемого, как попытка подкупа полиции.

Отец посмотрел на меня как на идиота.

– Разве я говорил о подкупе? Я только имел в виду, что ты сам должен взглянуть на это дело. Ведь ты же раньше был хорошим следователем. Тебе почти дали детектива первого класса, если бы ты был более ответственным и не бросил в мусорное ведро всю свою жизнь.

Ну вот, он все-таки это сказал. Ему даже не пришло в голову, что он пришел просить меня о помощи, поэтому мог бы, если не извиниться, то хотя бы показать, что он принимает мой образ жизни. Но я был для него по-прежнему неудавшимся сыном. Отрезанным ломтем, годившимся только для того, чтобы бросить все свои сомнительные дела и кинуться на помощь правильному брату. Мне было жаль, что Уоррен попал в такую передрагу, но я не собирался спускать отцу очередную грубость.

Я вернулся за свой стол и позвонил в приемную секретарше мисс Пиблз, попросив ее зайти, чтобы разобраться с наиболее срочными делами.

– Мне жаль, но я ничем не могу помочь. Я не имею дел с полицией и убийствами. Передавай привет... Пегги, – я не сразу вспомнил имя жены брата.

Отец резко поднялся из кресла. Его азиатские скулы выступили еще четче, темные глаза зло сверкали. Я приготовился услышать поток ругательств в свой адрес, но в этот момент дверь открылась, и в кабинет зашла Мэриголд Пиблз с блокнотом в руках. Если бы это была какая-то обычная секретарша, например, молодая девушка только что после колледжа или компетентная дама средних лет, мой отец мог бы и не сдержаться в ее присутствии. Он не слишком уважал женщин, считая их чем-то вроде ходячих предметов обстановки. Но Мэриголд была исключительной. Она уже давно достигла пенсионного возраста и могла бы прекрасно бездельничать на щедрую ренту, которую ей выделил прежний наниматель, один из голливудских воротил, поскольку мисс Пиблз верой и правдой работала его личной ассистенткой более тридцати лет, пройдя через все кризисы индустрии кинопроизводства. Но оказалось, что Мэриголд не слишком понравилась жизнь на пенсии. Во многом из-за деспотичного характера ее сестры-инвалида.

Сестры Пиблз делили симпатичный коттедж в Западном Голливуде, их сожительство было прекрасным, пока Мэриголд работала на киностудии, а несчастная больная оставалась дома и тиранила приходящих сиделок. После выхода на пенсию мисс Пиблз хватило около полугода выслушивать упреки и придирки сестры, поэтому она с радостью приняла предложение работать в нашей конторе за весьма скромное вознаграждение. Зато большую часть дня она могла посвящать любимым занятиям – вязанию и чтению любовных романов в тишине и покое.

На первый взгляд Мэриголд Пиблз казалась воплощением всех бабушек мира. Ее фигура давно уютно расплылась, что совсем не скрывал ежедневный ансамбль одежды, состо-

⁴ Здесь упоминаются события предыдущего романа Кеннета Дуна «Внуки Тантала».

ящий из твидовой юбки и трикотажного жакета. Губы она красила девичьей розовой помадой, которая вполне гармонировала с собственным здоровым румянцем ее щек. Седеющие волосы наша секретарша неизменно укладывала в старомодный пучок. Любой, кто видел ее в первый раз, мог бы решить, что эта дама просто коротает время между заседанием церковного кружка и вечерним бриджем, пока в духовке у нее поспевают домашние булочки.

Но недаром Мэриголд столько лет работала на голливудского магната, который, по слухам, мог заставить ВМФ США изменить курс корейского рейда ради недели натурных съемок в Тихом океане. Единственным человеком, который мог привести ее в замешательство, была ее собственная сестра, для всех остальных у мисс Пиблз был припасен особый взгляд, который немедленно пресекал любые споры.

Вот и сейчас, когда мой отец открыл рот, чтобы высказаться на мой счет, он встретился с обманчиво кроткими глазами мисс Пиблз и смог сделать только несколько судорожных вздохов. Затем схватил шляпу и проворчал:

– Жену твоего брата зовут Вайолет. Он повторно женился полгода назад.

И после этого вышел, хлопнув дверью.

Глава 3

Мисс Пиблз тактично не стала расспрашивать меня о том, что произошло, начав вместо этого отчитываться о звонках клиентов за то время, пока мы с Лекси отсутствовали в конторе.

– Мистер Деметриос звонил на прошлой неделе. Хотел назначить личную встречу, связанную с семейными проблемами. Я сказала, что сейчас вы не берете срочных дел. Он очень расстроился, судя по голосу, и повесил трубку. Но сегодня утром он перезвонил снова. Просил узнать, освободились ли вы, чтобы его принять. Я была вынуждена снова его огорчить, поскольку не знала, когда вы сможете вернуться к работе.

– Он оставил телефон?

– Нет, – Мэриголд хитро усмехнулась. – Но пока вы были заняты разговором с отцом, я провела некоторые изыскания. Он спрашивал, можете ли вы приехать к нему домой в Лагуна-Бич. Я выяснила, что там проживает некий Андрос Деметриос. У него огромная вилла, ради которой он выкупил несколько участков. Его номера нет в телефонной книге, но я узнала, что господин Деметриос является владельцем компании «Элленик Бьюти», производящей косметику, парфюмерию и предметы гигиены. В частности, косметической марки «Венера и Марс». Она очень популярна среди молодежи.

Не представляю, как она могла выяснить все это за полчаса. Судя по описанию, дело Андроса Деметриоса сулило неплохой гонорар. Оставалось надеяться, что парфюмерный магнат по каким-то причинам все еще не нашел частного детектива, способного взяться за его семейные проблемы.

– Мисс Пиблз, вы чудо. Не могли бы вы позвонить мистеру Деметриосу в его контору и соединить со мной?

– Конечно, мистер Стин. Вы уверены, что вам больше ничего не нужно?

Я покачал головой.

– Можете воспользоваться моим телефоном.

Мэриголд кивнула и начала лихо накручивать диск, сверяясь с записями в блокноте. Спустя две минуты она протянула мне трубку.

– Деметриос слушает, – раздалось из динамика.

– Добрый день, мистер Деметриос. Меня зовут Дуглас Стин, я частный детектив. Как я понял, сегодня утром вы звонили в мою контору.

– Стин?! – раздался удивленный голос. – Это правда вы? Но как вы меня нашли?

– Профессиональная тайна, мистер Деметриос. Я же частный детектив, – я подмигнул мисс Пиблз.

– Но я хотел, чтобы наш разговор остался в тайне. Боже мой, вы позвонили прямо ко мне в офис...

– Не беспокойтесь. Моя секретарша умеет обращаться с телефонистками. Но раз уж я до вас дозвонился, хочу сообщить, что сейчас я совершенно свободен. Если вам еще нужны мои услуги.

– Ох. Это так неожиданно. Я не думал, что вы позвоните. Тем более сегодня. Я... я уже не знаю. Не знаю, правильно ли я поступаю...

– Пока что не могу судить. Вы не хотите рассказать о сути вашей проблемы?

– Ох. Я... точно не по телефону.

– Я мог бы приехать к вам.

– В офис? Вы с ума сошли!

– Нет, к вам домой. В Лагуна-Бич.

– Я сказал вашей секретарше адрес? Видимо, я точно был не в себе. Нет, это исключено. Сегодня у меня совещание до позднего вечера, а завтра... Нет. Точно нет. Моя жена...

– Вы можете сами приехать в мою контору. В любое удобное время.

На том конце провода повисло молчание.

– Нет, – наконец сказал Деметриос. – Шофер... Нет. Я не знаю. Нужно ли это все. Может, я все придумал.

Я терпеливо ждал. В конце концов, он сам мне дважды звонил в контору и настаивал на встрече.

– Хорошо. Давайте так. Приезжайте завтра в Лагуна-Бич. Не раньше часу дня. Жена... уйдет на ленч с подругами к этому времени. Сейчас я вам объясню, как добраться. Но вообще не ошибетесь. Это единственные мраморные ворота на улице дель Боске. Только ни в коем случае не представляйтесь собственным именем дворецкому! Скажите, что вас зовут.. Смит. Дуглас Смит.

– Может, что-то более правдоподобное? Например, мистер Макартур?

– Почему Макартур?

– Почему бы нет. Дуглас Макартур⁵. Сможете запомнить?

– Ох. Постараюсь. Довольно заковыристое имя, хотя почему-то звучит знакомо.

– До завтра, мистер Деметриос. Буду ровно в час.

Он уже повесил трубку.

Я повернулся к мисс Пиблз.

– Кажется, у нас есть клиент. Две вещи могу сказать точно. Дело определено в его жене. И для короля парфюмерии и косметики мистер Деметриос явно немного придурковат.

– Вы не представляете, мистер Стин, сколько я повидала людей, которые были неспособны найти трубку в телефонной будке, но при этом ворочали миллионами. Уже поздно. Мне пора ехать к сестре. У нее сегодня выдался неудачный день, поэтому она просила заехать к «Сальваторе» и прихватить что-то свежее. Может быть, лобстеров или голубую черепаху. Позвоню в ресторан, чтобы сделать заказ. Вы же закроете сами контору?

Я отпустил мисс Пиблз, пытаясь вспомнить, когда я сам последний раз ел лобстера или голубую черепаху. После чего откинулся в кресле и принялся размышлять о своем брате.

⁵ Дуглас Макартур (1880-1964), американский полководец, генерал армии. Принял капитуляцию Японии 2 сентября 1945 года от имени американского правительства. Командовал оккупационными войсками союзников, затем был главнокомандующим войсками ООН в Корейской войне. Имел прозвище «Неукротимый Дуг». Многим запомнился благодаря пристрастию к трубке, сделанной из початка кукурузы.

Глава 4

Наша семейка определенно была странной. Хотя видал я семьи и постраннее, особенно когда пошел работать в полицию, а потом занялся частным сыском. Нет, в нашей истории не было насилия, фамильного сумасшествия, скандального дележа наследства или измен. Наоборот – для Стинов всегда на первом месте была внешняя благопристойность и высокий моральный облик. Поэтому меня так и удивило, что Уоррен вступил во второй брак. Неужели он успел овдоветь, пока мы не виделись?

Стины не изменяли, Стины не разводились, Стины не воровали и уж точно не убивали, во всяком случае, в мирное время. Так нас воспитывали. Каждый Стин должен был идти в жизни по прямому пути, выцарапывая себе путь к успеху и готовя почву для грядущих поколений.

Насколько я помнил, таким был наш дед, отец и его младший брат, позже переехавший с семьей во Флориду. Все дело было в том, что в нашей семейной истории был эпизод, считавшийся «позорным пятном» всех поколений, едва ли не фамильным проклятием. Какой-то из предков, видимо, прадед еще до эмиграции в Америку имел неосторожность взять в жены азиатку. В результате почти все его потомки стойко наследовали темные волосы и миндалевидные глаза. Это стало таким наваждением для американских Стинов, что они старались изжить клеймо позора, если не из внешности, то хотя бы из памяти. Не сохранилось ни следа истории нашего рода: ни единого портрета, дневника или метрики, особенно в том, что касалось «неполноценной» прабабки. Я даже не знал толком, кем она была: китайкой, японкой или представительницей другой национальности.

Для моего отца и деда все азиаты были на одно лицо – опасное лицо, от которого надо держаться подальше. Отец женился на белокурой калифорнийке, романтической, но недалекой, хотя я почти не помнил маму. Она умерла, когда мне едва исполнилось семь лет. Знаю, что она почти никогда не перечила отцу, который распланировал для нас всю дальнейшую жизнь. Мы должны были хорошо учиться, потом прилежно работать, правильно жениться и сделать все, чтобы Стины в результате стали настоящими белыми американцами, а не какими-то там «узкоглазыми». Сам отец сумел неплохо разбогатеть. Он начал с мебельной мастерской, унаследованной от своего отца, потом расширился до магазина, а затем сообразил, что выгоднее доставлять мебель, чем просто продавать ее. Арендовав несколько дешевых грузовиков, в конце концов он превратил свою компанию в успешного перевозчика, действовавшего по всему тихоокеанскому побережью, а также в Аризоне, Неваде и Юте.

Даже имена для детей отец выбирал с тщательным умыслом. Его самого назвали Робертом – хорошим рокошущим европейским именем. Старшего сына он назвал Джорджем. Не помню точно, то ли в честь Джорджа Вашингтона, то ли в честь английского короля Георга V⁶. Я бы совсем не удивился, если бы отец одинаково уважал их обоих. Второго сына, родившегося спустя год, было решено назвать в честь более современного американского президента. К сожалению, когда мой брат родился, в Белом Доме заседал Вудро Вильсон, а мой отец-республиканец скорей бы отрубил себе руку, чем назвал сына в честь президента-демократа. Поэтому при рождении брата нарекли Тедди в честь несравненного Теодора Рузвельта. Когда в 1921 году президентские выборы вновь выиграл республиканец Уоррен Гардинг, отец так обрадовался, что немедленно переименовал сына в его честь. Правда, Гардинг скоропостижно скончался всего спустя год, да и все его недолгое правление было ознаменовано скандалами, связанными с пристрастием к алкоголю и супружескими изменами. Мама иногда вспоминала, что

⁶ Георг V (1865-1936) – король Великобритании, сын короля Эдуарда VII, внук королевы Виктории, отец королей Эдуарда VIII и Георга VI, дед королевы Елизаветы II. Был правителем во время Первой мировой войны, из которой Британия вышла победительницей. Имя Георг соответствует английскому Джордж.

после смерти Гардинга отец снова хотел сменить имя сына на Кальвин в честь вице-президента Кулиджа, но потом, видимо, смирился с непостоянством американской электоральной системы и махнул рукой. Так мой брат остался Уорреном.

Что касается меня, самого младшего и слабенького, то отец разрешил матери выбрать имя. Естественно, она нарекла меня в честь Дугласа Фербенкса⁷, от которого была без ума. Если отца это и возмутило, он не стал вмешиваться.

У меня с братьями с самого детства было мало общего. Дело не только в имени и в том, что я до семи лет был маминым любимчиком. Сказывалась и разница в возрасте. Джордж был старше меня на пять с половиной лет, а Уоррен на четыре. В детские годы это непреодолимая пропасть. Они оба были настолько похожи, что их часто принимали за близнецов – крепкие, коренастые со злыми черными глазами. Я же больше пошел в мать, унаследовав более светлый тон волос и глаза цвета фундука. Моя партнерша Лекси много лет уверяла меня, что азиатские корни, столь раздражавшие отца всю сознательную жизнь, – не более чем игра его воспаленного воображения. В моей внешности она никогда не замечала черты «полукровки», да и братья, если подумать, скорее могли сойти за «калифорниас»⁸ или итальянцев.

Джордж и Уоррен росли вместе и не обращали на меня никакого внимания. Когда они пошли в школу, я еще носил девчачьи платица и чулки. Когда научились смолить самокрутки и украли бидон контрабандного виски из подвала владельца бакалейной лавки, я наслаждался стрельбой из рогатки по соседским кошкам. Я почти не заметил эпоху Сухого закона, которая для моих братьев стала самым романтичным приключением детства. Когда же я наконец распилил на пустыре за гаражом мистера Мазарека первую бутылку теплого пива, которую разделил со своим одноклассником Игги Ломаксом, мои братья уже отрастили жидкие усики и всю ухлестывали за девушками. Потом они один за другим поступили в колледж, а я все еще жил дома и ходил в школу. Правда, оба решили ограничиться степенью бакалавра, после чего почти сразу нашли работу. Джордж устроился в банк, а Уоррена отец по знакомству определил в рекламное агентство, для которого выполнял транспортные заказы.

На меня впервые обратили внимание, когда, закончив колледж, я получил стипендию в Гарвардской школе права. Сын юрист – это было выдающееся достижение для семьи Стинов. Но едва я приступил к учебе, японцы атаковали Перл-Харбор, поэтому я, ни минуты не раздумывая, отправился добровольцем во флот. Именно тогда отец и братья впервые заподозрили, что с головой у меня не все в порядке.

После демобилизации пропасть между мной и родственниками стала еще шире, поскольку я отказался возвращаться в университет, а вместо этого поступил в полицию. За те годы, что я провел на флоте, братья успели укрепиться в обществе и остепениться. Джордж упорно полз по служебной лестнице в своем банке, пока наконец несколько лет назад не получил назначение в головной офис в Сакраменто. Он женился на подруге детства по имени Меган, которая быстренько подарила ему двух наследников. Я ничего не имел против Меган – она была уравновешенной и не скандальной, в меру гостеприимной и не в меру практичной. Правда, ее отличала некоторая склонность к занудству и высокомерию. В общем, идеальная жена для банкира и не менее идеальная мать будущих успешных Стинов.

Уоррен тоже женился. На дочери босса, причем поступил вполне по-американски, вскоре разорив своего тестя – поскольку перешел в более крупную рекламную фирму и увел с собой всех лучших клиентов. Видимо, жена отнеслась к такому повороту с пониманием. Забавно, что ее звали Маргарет. Я бы сошел с ума, запоминая, какую из моих невесток зовут Меган, а какую Мегги. К счастью, оказалось, что супруга Уоррена предпочитает сокращение Пегги.

⁷ Дуглас Фербенкс (1883-1939), одна из крупнейших звезд американского немого кино, основатель и первый президент Американской академии киноискусства.

⁸ Так называли жителей Калифорнии мексиканского происхождения, поселившихся там до того, как штат вошел в состав США.

В отличие от Джорджа они не сразу завели детей. Только после войны, когда Уоррен получил перспективное место в новом агентстве, у него родилась дочь. Сейчас ей должно было быть четырнадцать или пятнадцать лет. Я помнил, что имя девочке выбрали тоже какое-то претенциозное и нелепое. Памела? Патриция? Пенелопа? Во всяком случае, получилась какая-то очередная дикая парочка теперь уже из матери и дочери – Пегги и Пэм, что-то в этом роде. Как будто из комедийного шоу. Хотя Уоррен вроде бы не видел здесь ничего курьезного. Пока мы еще общались, он всегда с любовью отзывался о своих «девочках». Если честно, Пегги мне нравилась больше, чем Меган. Она с неба звезд не хватала, но была беззаветно предана своей маленькой семье, а Уоррену буквально смотрела в рот. Наверное, этим она напоминала мне собственную маму, поэтому я инстинктивно тянулся к ней на семейных сборищах.

А сегодня я неожиданно узнал, что Уоррен завел новую жену. Интересно, что станет с его дочерью Пэм или Пэт, если его осудят?

Глава 5

Я запер контору и поехал к себе домой. В мою маленькую, одинокую, но вычищенную до блеска квартирку, где кроме книг места хватало только для стола, пары кресел и кровати, да крошечного кухонного закутка с плиткой, на которой можно было лишь сварить яйцо и вскипятить кофейник.

Я налил себе порцию виски, потом еще одну, уже двойную. Пробовал читать, принял душ, лег в кровать, но сон все не шел. Тогда я включил свет, разыскал в письменном столе старую записную книжку и продиктовал телефонистке домашний номер Джорджа в Сакраменто.

Брат взял трубку после третьего звонка, из чего я заключил, что его еще не атаковали журналисты.

– Дуг? – он казалось не удивился. – Почему так поздно. Мы собирались ложиться спать.

– Я тоже. Но не мог заснуть.

Повисло молчание.

– Ты уже слышал новости? – спросил он.

– Да. Отец сегодня приходил ко мне в контору.

– Черт возьми! Он и мне звонил в банк. Хотел, чтобы я приехал. А зачем? Что я могу сделать?! Я сам не знаю, что теперь делать мне. Когда об этом пронюхают газеты, это дойдет до моего начальства. Представляешь, я рассчитывал на должность старшего управляющего. Но кто захочет повысить брата убийцы? Меган весь вечер плакала. Мы еще не сказали мальчикам, они сейчас в колледже.

– Джордж, постой, – прервал я этот поток жалоб. – Ты думаешь, что Уоррен правда убил этого парня?

– Откуда мне знать?! Но полиция же его арестовала.

– Вы же всегда были так близки. Вы всегда были... – я чуть было не сказал «как настоящие братья». – Вы были лучшими друзьями с самого детства. Если кто и знает Уоррена хорошо, то только ты.

– Не уверен, – Джордж задумался. – Мы серьезно отделились в последние годы. Все-таки мы жили в разных городах и уже не общались так много, как раньше. И потом я не мог ему простить, как он поступил с Пегги. Это было просто отвратительно. Меган сказала, что не пустит эту дрянь Вайолет к нам на порог.

– Да, отец упомянул, что Уоррен повторно женился.

– На вертихвостке, которая моложе его почти вдвое! Ну не идиот ли. Она-то, конечно, была рада подцепить такой лакомый кусок. Партнер известного рекламного агентства, еще бы. И он купился на эту смазливую мордашку. Вышвырнул Пегги, с которой прожил двадцать лет, чтобы жениться на этой дряни.

– То есть как вышвырнул?

– О, конечно, он назначил ей содержание. Ей и Пенни. Хотя эта Вайолет была против. Но Уоррен все-таки не совсем слюняй. Пегги даже не пыталась бороться. Она просто подписала все бумаги, которые он перед ней положил. Они с Пенни переехали в скромную квартирку где-то в долине Сан-Фернандо. А эта дрянь теперь поселилась в их роскошном доме в Санта-Монике.

– У тебя есть новый номер телефона Пегги?

– Конечно. Сейчас найду.

Джордж продиктовал мне номер, а потом добавил:

– Знаешь, не удивлюсь, если Пегги по-прежнему любит этого придурка. Я думаю, что теперь, когда его обвинили в убийстве, эта гадина бросит брата. И тогда он поймет, какое сокровище потерял.

Я мысленно восхитился стойкими моральными принципами Джорджа, но он опять завел свою песню:

– Слушай, Дуг, только не смей никому сболтнуть эту чушь про то, что мы с Уорреном всегда были лучшими друзьями. Мне только не хватало, чтобы нас начали осаждать репортеры с вопросами вроде «каково вам было расти с убийцей» и «всегда ли вы чувствовали, что ваш брат склонен к насилию». Меган предлагает мне взять отпуск и уехать на время куда-нибудь на Гавайи, пока все не уляжется. Но я боюсь, что, если сейчас уйду из банка, меня могут подсесть...

Я немного послушал его излияния, вежливо поддакивая, попросил передать привет Меган и положил трубку.

Черт возьми, я и не мог предположить, что Уоррен способен бросить Пегги и ребенка ради молодой красотки. Возможно, я совсем не знал своего брата.

Глава 6

На следующий день я наслаждался кратким утренним отдыхом до предстоящего визита в Лагуна-Бич. Вначале я просто валялся в постели до десяти утра, куря сигареты и лениво почи- тывая какой-то приключенческий роман. Потом побрился и привел себя в порядок, погладил относительно новую рубашку, спустился на улицу к газетному киоску, купив сразу несколько изданий. По пути я зашел в бакалею к мистеру Гроссману, где разжился свежей булочкой и банкой гусяного паштета.

Дома я сварил себе кофе, погрел хлеб в ростере и принялся изучать прессу. Как я и пред- полагал, аресту моего брата было уделено достаточно внимания. В некоторых статьях приво- дились подробные детали дела.

Итак, ровно неделю назад, в прошлую субботу 32-летний Винсент Ричардс, младший партнер известного рекламного агентства «Ар энд Жи», отправился в загородный дом неда- леко от Колдер-Спрингс в Сан-Антонио, где он как правило проводил выходные. Дом стоял в лесу на отшибе, далеко от всех соседей, поэтому никто не слышал выстрелы. Только в поне- дельник утром, когда уборщица приехала как обычно привести в порядок дом после выход- ных, она обнаружила на диване в гостиной труп мистера Ричардса со следами огнестрельных ранений. Он был убит тремя выстрелами из пистолета 38-го калибра. Поначалу полиция запо- дозирила банальное ограбление, но быстро выяснилось, что из дома ничего не пропало. Более того, отсутствовали следы взлома, что свидетельствовало о том, что убитый сам впустил зло- умышленника в дом.

Мистер Ричардс был холост и пользовался репутацией плейбоя. Его карьера продвига- лась довольно успешно, несмотря на молодой возраст, его прочили в полноправные партнеры агентства, даже светило место в совете директоров. Полиция сосредоточила силы на поисках недоброжелателей мистера Ричардса из числа близких знакомых. Вскоре таковой нашелся. Если не считать затаивших злобу конкурентов, у которых Ричардс увел клиентов, и нескольких бывших подружек, самый сильный мотив был у другого младшего партера «Ар энд Жи», 45- летнего Уоррена Стина, который тоже претендовал на место в совете директоров. Кроме того, ходили слухи (подтвержденные некоторым сотрудниками фирмы), что у Ричардса был роман с молодой женой мистера Стина. Сам Уоррен Стин не смог предоставить алиби на субботний день, в отличие от других вероятных подозреваемых.

Полиция упорно собирала доказательства, но ключевой уликой стало обнаружение ору- дия убийства, как оказалось, брошенного в ручей, протекающий в полумиле от дома Ричардса. Как показала баллистическая экспертиза, пули, убившие жертву, были выпущены именно из этого пистолета. По регистрационному номеру удалось установить, что оружие принадлежало мистеру Стину, который приобрел его десять лет назад для защиты от грабителей. Мистер Стин утверждал, что почти забыл об этом пистолете, и не может объяснить, как он оказался в ручье.

Уоррен Стин был взят под стражу утром в пятницу, судья отклонил прошение о залоге ввиду жестокости и явной умышленности преступления. Окружной прокурор заявил прессе, что считает дело раскрытым, а неоспоримые улики и наличие мотива не дадут преступнику уйти от ответственности.

Остывший тост встал мне поперек горла. Мотив, отсутствие алиби, «неоспоримые улики» и главное – дымящийся ствол. Похоже, песенка Уоррена действительно спета.

Я встряхнулся. Чтобы выкинуть из головы дело брата и не отвлекаться на мрачные мысли во время встречи с Деметриосом, я принялся читать другие статьи в газетах и даже дошел до раздела частных объявлений в «Сан». С удовлетворением отметив, что наш скромный квадра- тик «Стин и Бальтазар. Частные расследования. Для нас не бывает незначительных дел» зани-

мает достаточно заметное место, я начал читать другие объявления. Обычно они поднимали мне настроение.

Например, такое: «Девушка молодая, красивая, в синем пальто, синей шляпке и фиолетовых очках, вчера в пять часов вечера читавшая книгу Эмили Бронте на остановке 32-го автобуса на бульваре Маджестик, отзовитесь. Я смотрел на вас семнадцать минут и не решился заговорить. Я буду ждать вас каждый вечер с 6:30 до 7:42 в кафе «Попугай» на улице Аламо. У меня будет в руках «Гордость и предубеждение», а в петлице маргаритка».

Интересно, сколько одиноких дев в фиолетовых очках побегут на свидание к этому любителю женской викторианской прозы со странным пристрастием к точным цифрам?

Я взглянул на часы и подумал, что скоро пора выезжать, когда в дверь решительно постучали.

– Кто там? – недоуменно спросил я.

– Дуг, открывай. Это я.

На пороге стояла моя партнерша по детективному агентству Лекси Бальтазар.

Глава 7

Как обычно Лекси ворвалась в мое жилище подобно урагану и немедленно побежала наливать себе кофе. Она торопливо открывала все шкафчики в поисках чистой чашки, потом долго возилась с плиткой, подогревая кофейник, оставив меня только изумленно наблюдать за этим фонтаном энергии.

– Позволь тебе помочь, – вышел я из ступора.

– Не надо, я уже все нашла, – махнула она рукой. Лекси всегда была чужда условностей. Думаю, что и на приеме у английской королевы она сама наливала бы себе суп и резала рост-биф.

Кстати, про королеву я упомянул не ради одной метафоры. У Лекси были реальные шансы попасть на прием в Букингемский дворец, поскольку ее мать, леди Аманда Хейр была замужем за потомственным британским аристократом. Правда, по части идей всеобщего равенства леди Аманда могла бы дать сто очков вперед своей дочери. Иногда я ловил себя на мысли, уж не является ли она коммунисткой.

Во всяком случае, Аманда была достаточно мудра, чтобы никогда прямо не вмешиваться в жизнь дочери. Когда мы познакомились с Лекси, той было семнадцать лет, и она буквально навязалась в мое расследование, чтобы помочь вытащить из беды своего друга. Теперь ей исполнилось двадцать пять. Окончив колледж и попробовав себя в журналистике, восемь месяцев назад девушка неожиданно для всех получила лицензию частного детектива, а затем убедила меня взять ее в партнеры и расширить дело. Кстати, появлением Мэриголд Пиблз в качестве незаменимой секретарши я тоже был обязан Лекси, точнее ее матери.

Наконец Лекси перестала возиться с кофеваркой и плюхнулась в кресло. Я внимательно посмотрел на нее, не веря своим глазам. Еще вчера утром я навещал девушку в больнице, куда она попала с ожогами и травмой головы, угодив в переделку в нашем предыдущем деле. Я точно помнил, что у нее был довольно плачевный вид, в каком ни одна уважающая себя юная дама не отважится показаться на людях.

Теперь я не увидел ни бинтов, ни выбритых волос, ни темных кругов под глазами. На Лекси было обтягивающее зеленое платье из легкого трикотажа и салатовый жакет. Огромные глаза были тщательно подведены и покрашены. Голову украшала модная короткая прическа со взбитыми локонами, которые спускались на лоб лихими завитками и загибались длинными запятыми на висках.

– Ты смотришь на мои волосы? Это парик, – засмеялась Лесли. – Я подумала, что есть преимущество в отсутствии волос. Теперь мне ничего не стоит менять внешний вид. Вчера я заказала несколько париков. Рыжий, черный, каштановый, платиновый. Надо сказать, это намного удобнее, чем постоянно делать укладку, только голова немного чешется.

Теперь я заметил, что цвет ее волос действительно отличается от натурального оттенка спелой пшеницы, к которому я привык.

– Дуг, я могу тебе чем-то помочь? – серьезно спросила Лекси.

– Ты о чем?

– Об этом, – она ткнула в газеты на столе. – Сегодня утром я прочитала об аресте убийцы Винсента Ричардса и сразу позвонила Мэриголд. Она подтвердила, что вчера приходил твой отец и речь шла о твоём брате. Он же не убивал, да? Его подставили? Мы можем что-то с этим сделать?

Я всегда поражался тому, что Лекси готова прийти на выручку человеку, которого считает своим другом. Причем не задавая лишних вопросов. В последний раз именно это и довело ее до больницы.

– Лекси, мы не можем тут ничего поделать. Если ты читала газеты, то знаешь, что улики серьезные. К тому же у Уоррена отличный адвокат. Это его работа – доказывать невиновность брата.

– То есть ты считаешь, что он правда мог убить этого Ричардса?

– Честно, не знаю. Мы не общались много лет. И ничего толком не знаю об Уоррене, – я на секунду почувствовал, что говорю, как Джордж. – К тому же ты сама знаешь, что братья и сестры как раз вполне способны на убийство.

– О, – Лекси открыла рот и печально покачала головой, вспомнив собственную сестру.

– Поверь, это вовсе не наше дело. Я не могу больше тратить время на решение личных проблем, иначе мы потеряем контору. Я как раз собирался выезжать, потому что мне надо встретиться с новым клиентом. А тебе лучше вернуться в больницу. У тебя было сотрясение мозга, помнишь? И как твоя рука?

Судя по тому, как засверкали ее глаза, ответ не сулил мне ничего хорошего.

– Рука прекрасно. Через пару дней мне снимут бинты, а пока они совсем не мешают. И голова уже давно не болит. Послушай, мне смертельно надоело валяться в кровати, есть шоколад и слушать байки друзей, которые думают, что делают доброе дело, когда приходят меня проводить и рассказывают о том, как они прекрасно проводят время. Я отлично себя чувствую. Кстати, я знаю о клиенте. Мэриголд мне и это рассказала. Если ты не хочешь, чтобы я помогла тебе с братом, тогда я поеду с тобой.

– И речи быть не может!

– Еще как может. Я тебе нужна в этом деле. Мэриголд мне сказала, что клиент хочет, чтобы мы занялись его женой. Я же специалист в слежке за неверными женами! Салоны красоты, женские клубы, модные рестораны. Ты что всерьез собираешься следовать за миссис-как-ее-там со своей внешностью потасканного квотербека⁹ в дешевом костюме?

Мне следовало признать, что Лекси в чем-то права. Дела о супружеской неверности пошли у нас гораздо успешнее с тех пор, как она стала моим партнером.

– К тому же этот мистер Ди занимается производством косметики. Я уверена, что ему будет легче разговаривать со мной.

– Что-то наша мисс Пиблз слишком много болтает, – недовольно пробурчал я.

– Естественно, она мне все рассказывает! Это же наш общий бизнес.

Я подумал, что это скорее игра в одни ворота. Каждый раз, когда я спрашивал у секретарши, чем занимается Лекси, та невозмутимо отвечала, что та «ушла и не сказала, куда».

– Хорошо. Поедем вместе. Но не болтай лишнего. Мы еще не получили клиента. Он очень нервно говорил по телефону.

Лекси только ухмыльнулась. Как я понял, Мэриголд дала ей полный отчет о вчерашних беседах в конторе и, может быть, прибавила кое-что от себя лично.

⁹ Ключевой игрок нападения в американском футболе.

Глава 8

Оказалось, что Лекси приехала ко мне на такси прямо из больницы, поэтому мы двинулись в путь на моем «Плимуте».

– Ты хоть предупредила кого-то, что ушла? – допытывался я. – А матери звонила? Давай остановимся у ближайшей телефонной будки, и ты ей скажешь, что выписалась из больницы.

– Дуг, не надо меня постоянно опекать. Я уже давно не ребенок, а ты по-прежнему относишься ко мне, как к капризной школьнице. И прекрати так панически бояться моей мамы. Между прочим, Аманда, когда была в моем возрасте, уже успела выйти замуж, родить меня, развестись и участвовала во французском Сопротивлении. А я всего-навсего получила удар по голове.

Лекси умела поставить точку в любом споре. Зато она не умела долго обижаться и сидеть молча.

– Послушай, я кое-что выяснила насчет нашего мистера Ди. После того как я поговорила с Мэриголд, я сразу позвонила подруге. Она большая модница и все знает о любых косметических средствах. Так вот, она мне рассказала, что этот...

– Андрос Деметриос.

– Точно. Давай я все-таки буду его называть мистером Ди для краткости. Так вот он открыл свою косметическую фирму лет двадцать назад. Назвал ее «Элленик бьюти», что означает...

– Греческая красота. Я знаю. Немного напоминает «Елена, красота твоя, никейский челн дней отдаленных»¹⁰.

– Что?!

– Это Эдгар Аллан По. «К Елене». Я не большой поклонник поэзии, но запомнил эти строчки, когда подписывал открытку для одной девушки в колледже. Ее звали Хелен.

– Я у него только рассказы читала. И «Ворона». Послушай, ты мог бы меня не перебивать? Значит, он открыл свою фирму. Подруга моя рассказала, что первые годы он пытался как-то пробивать средиземноморскую тему. Мол, все на оливковом масле, натуральной соли и с отдушками из греческих лимонов. Шрифт, стилизованный под греческий алфавит и этот... как его... меандр¹¹. Вначале он хотел все продавать очень дорого, но никто не понял, почему какие-то греческие притирки стоят столько же, как французские. Тогда он начал запускать дешевые марки, ориентированные в основном на экономных домохозяек. Дешевое мыло, дешевые духи, разные кремы и косметику, которую продавали в распродажных магазинах. Вроде бы он разбогател на этом, потому что сумел выжить почти всех мелких конкурентов на Западном побережье. Но все изменилось три года назад, когда он придумал новый бренд «Венера и Марс». Там все было по-другому, чтобы отмежеваться от дешевки – совсем другая упаковка, стиль, реклама. Наверное, мистер Ди вложил огромные средства в новый продукт, но риск окупился. Это была провокационная косметика и парфюм, рассчитанный на девушек от семнадцати до двадцати пяти лет. Там были необычные цветовые оттенки, которым придумывались экстравагантные названия. Например, помаду он называл не «бледно-розовый №5», а «Удар под дых» или, скажем, «Поцелуй без любви». Я могу сейчас придумывать, потому что моя подруга говорила быстро, буквально вздохнул. Еще они стали продвигать эту продукцию

¹⁰ Дуглас Стин цитирует стихотворение Эдгара Аллана По «К Елене» (1830 г.). В переводе В. Брюсова оно начинается «Елена, красота твоя...». В оригинале получается игра слов. Фраза «Helen, thy beauty is to me...» созвучна с названием фирмы Деметриоса «Hellenic beauty».

¹¹ Популярный античный геометрический орнамент, состоящий из повторяющихся завитков, нарисованных под прямыми углами.

в весьма рискованной манере. Например, устраивать разные конкурсы вроде «свиданий вслепую», которые транслировались по телевидению и радио. Еще они придумали такую идею как «образ месяца» – в журналах публиковалось фото профессиональной модели, которой визажисты делали макияж, естественно, косметикой «Венера и Марс», а потом девчонкам со всей страны предлагали сделать свой вариант и прислать фотографию на фирму. Победительницам доставалась бесплатная поездка в Голливуд с возможностью фотосессии для собственного журнала «Венера и Марс». У них даже появилась короткая передача минут на пятнадцать на телевидении с таким же названием, там девушки рассказывали свои истории...

– Я понял, Лекси. Мисс Пиблз мне уже сказала, что Деметриос специализируется на молодежной косметике.

– Моя подруга говорит, что уже не только. Его покупательницами стали вполне обеспеченные женщины постарше. Эйприл со всем авторитетом заявила, что современные дамы устали от французского New Look и прочей буружуазности. А «Венера и Марс» – это дерзко, ярко и очень по-американски. Поэтому марка сейчас сместила акцент. Они продвигают идею что-то вроде «мама как дочь – позвольте себе выглядеть моложе». Имеет огромный успех.

– *Filiae pulchrae mater pulchrior*. Прелестной дочери прелестнейшая мать. Это из Горация. Я хочу сказать, что идея не новая.

– Ну вряд ли они будут использовать классическую латынь в своих слоганах. Я все к тому, что мистер Ди наверняка гребет деньги лопатой. Интересно, почему он решил нанять наше скромное агентство, а не какую-то крутую корпорацию?

Я тоже задавался этим вопросом.

Глава 9

Лагуна-Бич – это небольшой городок к югу от Лос-Анджелеса в округе Ориндж. Еще совсем недавно он вообще был скромной деревушкой, где селились преимущественно непризнанные художники, восхищенные местными видами и удаленностью от шумного города. Злополучные виды и сыграли с ними дурную шутку. Город расположен вокруг небольшого залива, полностью окруженного живописными холмами. То есть, где бы на этих холмах ни построить дом, отовсюду будет открываться вид на Тихий океан. Естественно, об этом вскоре пронюхали застройщики, которые быстро начали выкупать участки на холмах и возводить там просторные виллы для тех клиентов, которые находили Малибу чересчур тесным и суетным, а утесы Сан-Диего – слишком отдаленными.

Когда Деметриос сказал, что мы не пропустим его дом, поскольку на улице он будет единственным с мраморными воротами, он забыл упомянуть, что его имение представляет собой миниатюрный Акрополь. То есть я никогда не был в Афинах и не видел вблизи настоящий Акрополь, но обилие мрамора и колонн с ионическим ордером произвело на меня огромное впечатление. Сам дом, спрятанный от дороги за зарослями сосен и кипарисов, оказался двухэтажным особняком с внушительной мраморной колоннадой по фасаду и куполом наверху – напоминающим то ли европейские особняки в стиле ампир, то ли Библиотеку Конгресса. Поскольку не так давно я выяснил, что мой несостоявшийся тесть был знаменитым калифорнийским архитектором, то не поленился изучить несколько профессиональных альбомов, так что теперь немного разобрался в вопросе.

Дворецкому я отрекомендовался мистером Макартуром, после чего он пригласил нас следовать за ним по мраморной дорожке, ведущей в сад. Как оказалось, Деметриос уже ждал нас в летней беседке, представлявшей собой мраморную ротонду с террасой, окруженной неизменными колоннами, увитыми виноградом. Я заметил, что глаза у Лекси стали похожи на блюдца. И правда, в этом саду было на что посмотреть. Среди оливковых деревьев журчали фонтаны, а вдоль тропинок были расставлены скульптуры, очевидно, изображавшие древнегреческих богов. Я узнал Афродиту, выходящую из раковины, Гермеса с шлемом с крыльями, Зевса-громовержца и, кажется, Аполлона с луком и лирой. У последнего было такое печальное и сосредоточенное выражение лица, словно он недоумевал, как оказался в этой странной компании на краю обитаемой ойкумены.

Сам Деметриос восседал на террасе, расправляясь с обильным ленчем, накрытым на мраморной столешнице. Дворецкий спросил у нас о напитках. Я заказал содовую, а Лекси апельсиновый сок, после чего тот быстро принес требуемое из бара в беседке и удалился.

Сам хозяин дома заказал себе бокал пива, и, как я мог судить, уже далеко не первый. Деметриос оказался мужчиной лет шестидесяти, приятной полноты и с заметным брюшком, которое не смог скрыть даже хорошо скроенный костюм. Он также отличался длинным бугристым носом, двойным подбородком и полными губами. Уложенные гелем кудрявые волосы соседствовали с кустистыми бровями. Удостоверившись, что дворецкий покинул пределы слышимости, он спросил:

– Стин? Я не ожидал, что вы придете не один.

– Это моя партнерша Александра Бальтазар, – представил я Лекси. – Над большинством дел мы работаем вместе. Тем более, если речь идет о женщинах.

– Кто вам сказал? Ох, – махнул рукой Деметриос. – Наверное я опять сболтнул лишнего по телефону. Мисс Бальтазар, – он изучающе взглянул на Лекси. Она ободряюще ему улыбнулась, взмахнув накрашенными ресницами. Мне вдруг пришла в голову мысль, что она вполне могла по пути ко мне заехать в салон красоты и накраситься косметикой «Венера и Марс». – Вы знаете, что Александра – это греческое имя?

Лекси вежливо кивнула.

– А знаете, что оно означает? Защитница мужчин! А мое имя – Андрос, то есть мужчина. Значит, вы будете защищать меня, – он хохотнул и зачерпнул полную ложку какого-то коричневого месива, которую тут же отправил себе в рот. Потом схватил с тарелки здоровенный ломоть белого сыра.

– Не желаете ли поесть? – спросил Деметриос, подбирая соус хлебом. – У меня есть холодный ростбиф, фета, хумус, дзадзики, палтус с оливками. И еще долмадес. Мой повар готовит их сам из виноградных листьев нашего сада, – он ткнул пальцем в какие-то неаппетитные зеленые рулончики длиной с палец.

– Спасибо, мистер Деметриос. Мы не голодны. Наверное стоит поговорить о деле, ради которого вы нас пригласили.

– Ох. Зовите меня Энди. Меня все зовут Энди. В Америке так принято – сразу к делу. А я до сих пор не привык, хотя живу здесь уже сорок лет. Я настоящий грек. У греков принято сначала накормить. Я скушаю по Греции.

Бросив взгляд на статую грустного Аполлона, я понимающе кивнул.

– Хорошо, мистер Стин. Или я могу называть вас Дуглас? Как вы догадались, речь пойдет о моей жене. Я хочу, чтобы вы за ней последили.

– Вы ее в чем-то подозреваете конкретном? – спросил я ровным голосом.

– Ох. Это сложно. Не знаю, с чего начать. Смотрите сами – вот моя жена Шейла.

Деметриос залез во внутренний карман пиджака и достал цветное фото, которое толкнул по столешнице в нашу сторону. На студийном снимке была изображена девушка явно не старше тридцати, а, может, и двадцати пяти лет. Она не была сногсшибательной красавицей, но была явно привлекательно и знала, как этим пользоваться. У Шейлы было личико сердечком и распахнутые голубые глаза. Каштановые волосы были уложены в два валика, а на лоб спускалась тщательно завитая челка. Губы были подкрашены в стиле Мэри Пикфорд. Высокую грудь облегалo полосатое платье с кружевным воротником, руки, кокетливо переплетенные под острым подбородком, были затянуты в такие же кружевные перчатки. Вообще весь ее вид мне показался немного неестественным. Как будто она изображала ребенка, но при этом, очень старомодного ребенка, старающегося походить на довоенных кинозвезд. Если она ставила целью заарканить богатого старика – то избрала верную тактику. Может, Деметриос и был повелителем косметической моды для современных девушек, но сам он не смог устоять перед девушкой, которая напомнила ему о лучших годах его собственной молодости.

– Я вижу, о чем вы думаете, Дуглас. Что я, старый дурак, женился на девушке почти на тридцать лет моложе. Вся моя семья была против этого брака. И не только потому, что Шейла годится мне в дочери, она еще и не гречанка. Мы, греки, стараемся жениться только на своих. Так я познакомился со своей первой женой, Софией. Она была дочерью старых друзей моего отца. Нам едва исполнилось по двадцать лет. Думаю, это был удачный брак. Но София умерла всего через три года от лейкемии. Детей мы так и не успели завести.

– Я очень вам сочувствую.

– Я безумного горевал тогда. И решил все силы вложить в собственное дело. Убедил родственников ссудить меня деньгами, чтобы открыть косметический бизнес. Мы с самого начала мечтали о нем вместе с Софией. И вот, когда дело пошло, когда я стал зарабатывать столько, сколько и мечтать не мог, появилась Шейла. Мы познакомились на съемках рекламы для «Венеры и Марса». Поженились два года назад. Мне все говорили, что она выходит за меня замуж только из-за денег. Конечно, как может такой девушке понравиться глупый старый грек. Но мы были счастливы. Во всяком случае, я был. И Шейла казалась всем довольна. Я допускал, что она могла мне изменять. Я же не идиот. Хотя я надеялся, что мы сможем стать настоящей семьей, и она подарит мне долгожданного наследника. Даже если у нее были интрижки, тут не

могло быть ничего серьезного. Она бы не ушла от меня. Шейла подписала брачный контракт. Мой юрист настоял.

– Очень разумно с вашей стороны. Так что же пошло не так?

– Ох, – Деметриос позвонил в колокольчик. Когда на зов явился дворецкий, он обратился к нему по-гречески. – Я попросил еще пива, – пояснил нам хозяин. – Может быть, хотите вина? У меня есть собственная винодельня в Напе. Называется «Эллада ойнос».

Мы с Лекси вежливо отказались. Я был уверен, что этикетка вина Деметриоса, как минимум, украшена меандром.

– К сожалению, врачи запретили мне пить красное вино, – с грустью промолвил Деметриос, погружая нос в очередной бокал пива. – Говорят, плохо для давления. Если хотите, могу дать вам с собой пару бутылочек.

– Энди, вы рассказывали о своих проблемах с супругой.

– Ах, да. Ох. Все началось где-то пару месяцев назад. Я заметил, что Шейла стала исчезать чаще, чем обычно. Раньше она ходила в клубы, встречалась с подругами. Они иногда отправлялись в море на катере, ныряли и загорали. Иногда могли уплыть на целый день. Но потом она стала исчезать уже на пару дней. Выходные я стараюсь проводить здесь, но часто дела требуют моего присутствия в Лос-Анджелесе. У меня есть городская квартира, и если я занят допоздна, то могу остаться там на ночь. Раньше Шейла могла приехать ко мне посреди недели, мы ходили куда-то вместе ужинать. Она перестала так делать. А когда я звонил сюда, слуги говорили, что хозяйка уехала. Когда я спрашивал у Шейлы, она всегда находила правдоподобное объяснение. Затем я заметил, что она стала тратить много денег. Все наличные, которые хранились у меня в кабинете, стали исчезать каждую неделю. Шейла отговаривалась тем, что постоянно забывает свою чековую книжку. При этом она продолжала совершать покупки по чекам. Я и не думал, что ее нужно в чем-то ограничивать. Но однажды произошел такой эпизод. Шейла купила новые платья в бутике Бойда Маршалла. Вы знаете такого модельера?

Лекси кивнула.

– Он сейчас как раз вошел в моду.

– Да. И она потратила две тысячи долларов. Я видел корешок в ее книжке, поскольку взял привычку проверять ее траты. А потом я случайно встретил Бойда в городе, мы были на одном благотворительно мероприятии. Шейла не приехала, сославшись на какое-то недомогание. Мы разговорились, и Бойд выразил сожаление, что моей жене не понравились его туалеты. Оказывается, она все вернула через два дня.

– Известный трюк, – подала голос Лекси.

– Что? – переспросил я.

– Мои приятельницы так часто делали в колледже, когда родители лишали их наличных. Говорили, что им нужно купить что-то нарядное. Конечно, не на тысячи долларов. Приходили в магазин, выбирали одежду или украшения. Родители индоссировали чек. А потом подруги все возвращали и говорили, что передумали. В магазине им выписывали чек. Только они его не депонировали, а шли в банк и сразу снимали наличные. Родители месяцами могли ни о чем не подозревать.

– Я тоже об этом подумал. Хотел уже спросить у Шейлы, почему ей не подошли костюмы от Бойда, но потом заметил ее драгоценности. Я подарил ей бриллиантовый гарнитур, довольно красивый. Жена надела его, когда мы пошли на вечеринку. И я увидел, что все крупные камни заменены подделками.

– Вы определили это на глаз?

– Ох. Я же происхожу из семьи потомственных ювелиров. Наша семья занималась камнями и золотом еще со Средних веков. У меня никогда душа не лежала к этому бизнесу, поэтому я и занял у братьев денег, чтобы начать свое косметическое дело. Но, поверьте, я могу отличить настоящий бриллиант от фальшивого.

– А Шейла об этом знала?

– Мы не особо разговаривали о наших семьях. Она приехала в Голливуд откуда-то с севера, кажется, Айова или Монтана. И ясно дала понять, что порвала все связи с родителями. А мои родственники не поддержали мое решение жениться на Шейле. Никто из них даже не приехал на свадьбу.

Я с сочувствием поглядел на Деметриоса. Этот человек так хорошо знал и ценил свою давно покинутую родину и культурные корни, а все равно оказался отвергнут собственными родственниками.

– Энди, почему вы не спросите у Шейлы прямо, что происходит, – удивилась Лекси. – Вы бы сэкономили время и деньги.

– Ох, потому что я боюсь, что она мне соврет. Пока что она на все вопросы отвечала очень складно. Вот и сейчас я не удивлюсь, если она скажет, что у нее в Северной Дакоте осталась любимая тетя, которой срочно требуется операция на сердце и обоих легких. И что она просто не хотела меня беспокоить такой ерундой. Понимаете, я не хочу с ней просто ссориться. Я хочу знать, что происходит. Завела ли она роман с каким-то бездельником, на которого тратит мои деньги. Может, ее шантажируют ошибками прошлого. Или у нее от скуки появились дорогостоящие привычки вроде азартных игр или наркотической зависимости. Хотя последнее вряд ли, Шейла ведет очень здоровый образ жизни. Мне просто нужно знать. Тогда я и решу, как поступать дальше. На самом деле, я вовсе не хочу ее терять. Если есть какая-то тайна из ее прошлого, в которой жене мне стыдно признаться, я постараюсь ей помочь.

Я верил ему и был готов прослезиться от умиления. Если бы у меня была дочь, я был бы не против, чтобы она мазалась косметикой, выпускаемой Энди.

Лекси напустила не себя деловой вид и занесла ручку над блокнотом. Ее интересовали практические детали. В какие клубы ходит миссис Деметриос, ее распорядок дня, имена ближайших друзей, марка и номер автомобиля. Нужно ли предоставить фотографии. Для меня это всегда был щекотливый вопрос, потому что я так и не научился правильно выставлять выдержку и экспозицию, поэтому большинство снимков особенно с дальнего расстояния у меня получались смазанными. Лекси же виртуозно пользовалась фотоаппаратом.

Когда с формальностями было покончено, мы обговорили наш гонорар и были готовы проститься, пока гостеприимный хозяин не надумал всучить нам в дорогу свое домашнее вино, консервированные оливки или тошнотворные долмадес. Деметриос с трудом выполз из кресла, чтобы пожать нам руки.

– Странно, я думал, вы не возьметесь за мое дело, – рассеянно сказал он.

– Почему?

– Ну как же. Ваш брат. Вначале убийство его коллеги неделю назад, а теперь арест. Я думал, с этим связано ваше постоянно отсутствие в офисе.

– Вы знакомы с Уорреном? И знаете, что мы братья?

– Конечно. Ведь его фирма занимается всей рекламой «Венеры и Марса». Именно поэтому я просил вас представиться другой фамилией. Кстати, как там Уоррен?

– Я не знаю, – замаялся я. – На самом деле... мы тоже много лет не общались. Отец и братья стыдились, что я выбрал профессию частного детектива. За последние четыре года мы с Уорреном даже не созванивались. И я не знаю, чем сейчас могу ему помочь. В этом отношении у нас с вами много общего.

– Семья есть семья, – насупился Деметриос. – Ее не выбирают. Вообще мне странно это слышать. Потому что именно Уоррен мне вас и посоветовал.

– Что?!

– Да, именно так. В четверг незадолго до убийства Винса в «Ар энд Джи» была вечеринка для клиентов. У них шикарный офис в новом небоскребе в центре, там есть специальный зал для банкетов с фантастическим видом на город. Шейла со мной не пошла. Я нервни-

чал, может, выпил лишнего, и мы разговорились с Уорреном. Я спросил его, не знает ли он хорошего частного детектива, чтобы не из крупной конторы и работал на совесть. Естественно, я что-то придумал, сказал, что это нужно одному моему родственнику, который не хочет раздувать скандала. И тогда Уоррен посоветовал вас. Он очень хорошо о вас отзывался. Сказал, что вы прирожденный следователь, что вы кристально честны и всегда доводите дело до конца. Он даже достал из бумажника ваше объявление, вырезанное из газеты. Сказал, что не знает, кто такой Бальтазар, – Дементиос выразительно посмотрел на Лекси. – Но лучше вас никого не найти. Я тогда же и переписал ваш номер. И позвонил на следующий день, в пятницу, когда оказалось, что Шейла опять куда-то уехала. Но вас не было на месте. Потом убили Винса, и стало не до того. Честно говоря, когда ваша секретарша второй раз меня отшила, я уже был готов махнуть на это дело рукой.

Я тщетно пытался скрыть изумление. Уоррен давал мне рекомендации!

– А как давно вы знаете моего брата?

– Около трех лет. «Ар энд Жи» с самого начала занималась продвижением марки «Венера и Марс». Раз вы никого из них не знаете, могу признаться, что подумываю о смене рекламного агента. За одну неделю они потеряли двух лучших сотрудников! Не уверен, что компания без них справится. Ох, а мы как раз планировали запуск нового продукта.

Мы заверили Энди Дементиоса, что будем держать его в курсе результатов расследования, и оставили наедине с его грустными думами и грустными статуями.

Глава 10

- Почему он все время говорит «ох»? – спросила Лекси, когда я заводил машину.
- Что?
- Он все время приговаривает это «ох», когда ему задают неприятный вопрос. Думаешь, это от греческого «охи»?
- Ты о чем?
- «Охи» по-гречески значит «нет». Это как будто защитная реакция. Ты так не думаешь? Я недоуменно уставился на Лекси, положив руку на рычаг переключения передач.
- Какое это имеет отношение к нашему делу?
- Да просто так, мысли. Послушай, я вижу, что ты шокирован. На тебе лица нет. Ты так удивлен, что брат посоветовал твои услуги своему клиенту?
- И это тоже. Я думал, он вычеркнул меня из своей жизни. Но больше всего меня удивило, что он носил в бумажнике наше рекламное объявление. Как думаешь, зачем?
- Собирался позвонить? Наладить отношения? О, – Лекси наморщила лоб. – А вдруг он хотел сам тебя нанять, но не мог решиться?
- Вот-вот. Уоррен специально нашел объявление в газете, вырезал его, потом таскал в бумажнике. Отец сказал, что тоже нашел адрес нашей конторы через объявление. Я знаю своих родственников. Они не звонят поболтать просто так. Брат чего-то хотел от меня.
- Последить за женой? Вывести на чистую воду недобросовестных сотрудников?
- Не знаю.
- А я знаю, что тебе нужно делать, Дуг. Тебе нужно поговорить с братом.
- Что?
- Перестань меня все время переспрашивать. Я сама займусь делом мистера Ди, то есть Энди. А ты прекрати ходить с потерянным видом и сделай уже что-нибудь.
- Но ты... ты только что из больницы. И без машины.
- Машину я найду, не беспокойся. К тому же, сегодня я не собираюсь следить за миссис Ди, то есть красоткой Шейлой. У меня есть план!
- Я вздрогнул. Больше всего я боялся планов, мгновенно созревающих в голове моей партнерши. Как правило, она со мной ими не делилась, потому что знала, что если мы поговорим хотя бы пять минут, я объясню ей, что все это – дурацкая затея. Более того, она сама предпочитала не думать над собственными планами, а действовать, пока идея еще казалась ей разумной и привлекательной.
- Лекси, я прямо сейчас отвезу тебя назад в больницу. А потом займусь слежкой за Шейлой.
- А вот и нет. Послушай, я вспомнила, что младшая сестра моей одноклассницы живет в Лагуна-Бич. Они с мужем построили тут дом. Джулс такая правильная, состоит во всех возможных клубах, поддерживает выставки местных художников, ходит под парусом, в общем, идеальная женушка. Когда мы учились в школе с Триш, ее сестра, она нас на пару лет была младше, все время ходила за нами хвостом. Я думаю, она будет счастлива со мной поболтать.
- О чем? Ты считаешь, что Лагуна-Бич это такая деревня, где все друг друга знают? Имя этой сестры есть в списке подруг Шейлы?
- Нет. Но и Энди далеко не все знает о своей жене, как мы поняли. А Джулия, сестра Триш, такая активная личность, я уверена, что она знает все слухи в этом городке. Особенно про семейную пару, которая живет в этом безумном Парфеноне. Дуг, если ты меня сейчас подбросишь до ближайшего отеля или кафе, я позвоню Триш на работу и узнаю новый телефон и адрес Джулии. И уже сегодня наверняка она расскажет мне о привычках Шейлы в десять раз больше, чем мы узнали от мистера Ди. Я буду держать тебя в курсе, обещаю. Буду звонить

Мэриголд в контору и постоянно сообщать, где я нахожусь. А ты разбирайся тем временем со своим братом.

Мне пришлось признать, что на этот раз в плане Лекси было здоровое зерно. Поэтому я довез ее до какого-то приличного маленького отеля, где еще не закончилось время ленча, и проводил за столик. Уходя я увидел, как плотоядно загорелись глаза девушки, когда она попросила меня, чтобы без помех насладиться своим маленьким вальтазаровым пиром.

– Лекси, – спросил я, вернувшись к столику. – А кем работает Триш?

– Она служит в министерстве юстиции. В Вашингтоне сейчас уже конец рабочего дня, но она все равно будет сидеть на месте дольше всех, уж я-то ее знаю.

Глава 11

Я возвращался в Лос-Анджелес и думал о братьях и сестрах и их разных судьбах. Лекси и ее единокровная сестра, отбывающая срок за убийство. Триш и Джулия. Первую я помнил, в школе она была классической блондинкой-хохотушкой, обожавшей вечеринки и млевшей от парней из футбольной команды. Надо же, теперь заводила Триш, которая на моей памяти умела только улыбаться, хлопать ресницами и мило врать родителям о том, как она провела вечер, упорно делает карьеру в минюсте. Может быть, мечтает стать сенатором или судьей. А ее неведомая младшая сестра, по выражению Лекси, ходившая за ней хвостом, вполне счастлива в роли жены и светской львицы в Лагуна-Бич.

А я и мои братья Джордж и Уоррен. Я всегда был уверен, что эти двое до самой смерти останутся лучшими друзьями. Почему-то меня грела мысль, что, хотя я сознательно выбрал одиночество, мои старшие братья есть друг у друга. Оказалось, их пути давно разошлись, а все, что сейчас волнует Джорджа – чтобы не пострадала его карьера и репутация собственной семьи.

Я давно привык вспоминать братьев как одно целое. Двухголового монстра, делившего общую спальню, синхронно выходящего из дома и решительно выгонявшего меня, если я просился в его компанию. Теперь же я попытался вспомнить отдельного Уоррена. Он был ниже и темнее Джорджа и не таким агрессивным. Когда я заканчивал школу, они оба приехали на мой выпускной, и я пораился, насколько обогнал их в росте. Хотя Джордж по-прежнему наводил на меня ужас, средний брат показался мне щуплым и дружелюбным. Я вспомнил, что Уоррен с детства стремился всех очаровать. По характеру он был скорее мошенником, чем громилой. Наверное поэтому ему удалось сделать карьеру в рекламе. Я был молчалив и застенчив, особенно после того, как лишился матери, Джордж сразу лез на рожон, а Уоррен улыбался. Он частенько брал на себя вину Джорджа за разные проделки, потому что отлично знал, как смягчить наказание, а то и вовсе повернуть ситуацию в свою пользу. Я очень редко видел, чтобы Уоррен выходил из себя – он предпочитал подкалывать и высмеивать врага, вынуждая того потерять самообладание, и лишь потом вступал в драку. Лишь несколько раз я видел брата в гневе. Больше всего мне запомнился случай, когда его обвинили в краже денег от продажи благотворительной выпечки. В тот раз он не пытался мило улыбаться и сочинять какие-то оправдания, просто яростно отрицал все обвинения, что оказалось довольно глупо, потому что банку из-под пожертвований обнаружили в его шкафчике. Уоррен лишь упорно утверждал, что банку ему подбросили, убежал в комнату и так хлопнул дверью, что полетела штукатурка. Потом я слышал сквозь стену, как он рыдал и чертыхался, а затем колотил о стену. Там даже остались следы, оставленные его окровавленными кулаками. Речь шла об отстранении от занятий, но отец сумел замять скандал, компенсировав украденные деньги и внеся солидный благотворительный взнос. Лишь потом я случайно узнал, что Уоррена обманули – ребята из футбольной команды выпускных классов сказали, что эти деньги собирали для них. Поэтому они попросили брата принести банку из кабинета тренера, где она хранилась, забрали всю наличность, а Уоррену обещали, что возьмут его с собой на тусовку после матча. Естественно, они его никуда не пригласили.

Спустя несколько лет один из выпускников со смехом вспоминал этот случай на встрече в школе и удивлялся, почему Уоррен их не сдал. Думаю, что брат все сразу понял, когда его вызвали в кабинет директора. Он впал в иступление, узнав, что его попросту развели, воспользовавшись тем, что он только что перешел в старшую школу и стремился завоевать авторитет. Но потом решил, что лучше прослыть вором, чем дураком.

Что я еще мог вспомнить о брате? Уоррен любил собак, в отличие от всех остальных членов нашей семьи. Он с удовольствием выгуливал соседских псин, находя общий язык даже с

самыми злобными шавками. Один только раз случился прокол, когда мопс миссис Таунбридж после прогулки выбежал на дорогу, где его сбила машина. Миссис Таунбридж была уверена, что это Уоррен забыл закрыть заднюю дверь, когда привел собаку домой, но брат снова яростно это отрицал, стуча кулаками об стол. Впрочем, собака не умерла, а Уоррен вызывался бесплатно сидеть с ней, давать лекарства и выносить на лужайку, пока она не поправилась, поэтому миссис Таунбридж перестала к нему придирааться.

Я вспомнил также добродушную жену брата Пегги, теперь уже бывшую, и его дочку – самую симпатичную из моих племянников. Оба сына Джорджа быстро впитали высокомерие матери и жажду успеха Стинов. Уже когда им исполнилось по десять-двенадцать лет, мне было неуютно в их компании.

Приехав в Лос-Анджелес, я зашел в первую попавшуюся закусочную, заказал себе сэндвич с индейкой и солодовый коктейль, а потом попросил у парня за стойкой телефон и набрал номер Пегги. Трубку сняли после второго звонка, но на другом конце провода раздался незнакомый женский голос.

– Что вам надо? – спросили довольно недружелюбно.

– Я бы хотел поговорить с Маргарет. С миссис Стин. Я же правильно набрал номер?

– Миссис Стин сейчас ни с кем не желает разговаривать. Не звоните сюда больше.

– Подождите, – закричал я, надеясь, что моя собеседница еще не бросила трубку. – Я не репортер. Я ее деверь Дуглас.

– Не знаю никакого Дугласа, – холодно произнесла женщина.

– Нашего старшего брата зовут Джордж. Я – младший. Спросите Пегги.

Ждать пришлось довольно долго.

– Дуг? – наконец раздался неуверенный голос моей невестки.

– Да, Пегги. Это я. Джордж мне дал твой новый номер. Как ты? Я бы хотел к тебе заехать.

Узнать, как твои дела.

– Ты же знаешь, что мы с Уорреном развелись?

– Да, мне сказали. Но я волнуюсь за тебя и девочку.

– Пенни. Ты забыл, как зовут мою дочь.

Пегги и Пенни. Во всяком случае, общую канву я запомнил правильно.

– Ну вы тоже не слишком активно интересовались моей жизнью, – огрызнулся я.

– Прости, Дуг. Просто это все так ужасно. Я все еще не пришла в себя. Хотя мы и разошлись, но Уоррен по-прежнему отец Пенни. Я еще ей ничего не говорила. Меня осаждают репортеры. Я попросила свою подругу Миранду подходить к телефону, потому что я не могу совсем его отключить. Мне звонит адвокат, звонит ваш отец, мои родители, звонят из конторы Уоррена, чтобы узнать, что я буду говорить репортерам. Мне могут позвонить из школы Пенни, чтобы сообщить, что у нее неприятности. А чего ты хочешь?

– Я хочу узнать, что произошло. Чем я могу помочь тебе, Пенни и Уоррену.

– Но я почти ничего не знаю об этом деле! – вскрикнула Пегги. – Тебе лучше пообщаться с Вайолет, новой женой Уоррена. Или с его адвокатом.

– Я хочу для начала поговорить с тобой. Я могу к тебе сейчас приехать?

– Хорошо, – ответила она после паузы. – Хотя не вижу в этом смысла.

Глава 12

Через полчаса я был у дома Пегги, одного из множества каркасных строений, угнездившихся на крошечном участке среди таких же бюджетных построек в Долине. К счастью, у двери не толпились репортеры, которые по-видимому решили удовлетвориться только телефонными звонками.

Деверь мне открыла внушительная женщина борцовской наружности, едва уступающая моим собственным шести футам роста¹².

– Я Миранда – лучшая подруга Пегги, – представилась она уже знакомым мне резким голосом.

Я с опаской отметил мускулатуру Миранды, отчетливо проступающую под шелковой блузкой. Завитые в тугие кольца волосы лежали на ее могучих плечах, широкие бедра придавали телу правильный центр тяжести. Между бровями залегла суровая вертикальная складка, которая, впрочем, не портила привлекательности пухлого лица со здоровым румянцем. Я бы предположил, что эта женщина на досуге занималась греблей или охотой на горных койотов или рубкой сосен – а может и всем вместе. Больше всего она напоминала портреты Боудикки¹³ на старых гравюрах. Интересно, что побудило милую Пегги завести себе в близкие приятельницы подобную даму-воительницу.

– Заходите, – рявкнула она и зарысила в гостиную.

Я огляделся. Домик Пегги был уютным, но явно небогатым. На первом этаже была общая комната с эркером и искусственным камином, которая соединялась со столовой и кухней. Наверх вела лестница, где, видимо, располагались спальни. Неудивительно, что Джордж уверенно заявил, что Уоррен обделил первую жену при разводе.

– Я говорила, что никогда о вас не слышала? – угрожающе спросила Миранда.

– Как и я о вас, – любезно ответил я.

– Пегги сказала, что вы работаете частным детективом. Ну и что, интересно, вам надо?

– Я бы хотел обсудить это с самой Пегги.

Миранда фыркнула, издав звук, напоминающий о выхлопной трубе дизельного двигателя.

– Только не думайте, что можете ее заставить как-то вам помочь вытащить братца из тюрьмы. Уоррен – подлинная сволочь. Я сто раз предупреждала Пегги, что эта Вайолет крутит пашни с ее мужем, но она не верила, что он способен разрушить брак ради этой змеи. А теперь он получил то, что заслужил. Я только хочу уберечь Пег от еще больших разочарований.

– Постойте, вы знали Вайолет до того, как она стала женой Уоррена?

– Конечно. Вы с какой планеты прилетели? Эта тварь работала в «Ар энд Жи», так она и познакомилась с мужем Пег. Она три года паслась в нашей конторе, пока решала, в кого ей вцепить коготочки. Поначалу она, конечно, зарилась на Винса, то есть, мистера Ричардса. Он был моложе и холостым. Но Винс никогда бы не повелся на такую дешевку. Тогда она переключилась на беднягу Уоррена. И ее не остановило, что он счастливо женат.

– А вы, получается, тоже работаете в «Ар энд Жи»?

– Естественно! Я личная ассистентка мистера Гельба.

– Извините, я за вами не поспеваю. Кто такой мистер Гельб?

¹² Примерно 183 см.

¹³ Боудикка или Боадия, жена вождя бриттов Прасутага, которая после смерти мужа в 61 году возглавила антиримское восстание. Покончила с собой после поражения в битве с римлянами. Ее статуя на колеснице установлена в лондонском Вестминстере.

– Ну вы даете. «Ар энд Джи» значит Рэнфорд и Гельб. Они два старших партнера агентства, а Вернон Рэнфорд исполняет обязанности председателя правления. А мой босс – мистер Аарон Гельб.

– А змея Вайолет какую занимала должность?

– Ой, да никакую. Вначале она работала в приемной. Потом стала ассистенткой отдела копирайтеров. Спустя полгода пролезла в отдел телерекламы. И все время искала, на кого бы положить глаз. В конце концов мистер Стин решил ее сделать своей секретаршей. Поскольку из нее секретарша была, как из меня модель купальников, я сразу поняла, что добром это не кончится. Я честно пыталась предупредить Пег. Но она упорно отказывалась видеть в людях плохое. Считала, что ее драгоценный муж всегда стоит на страже интересов семьи.

Я вспомнил о том, что Пегги поддержала Уоррена, когда он некрасиво поступил с ее собственным отцом. Возможно, она из тех женщин, которые перед алтарем действительно вверяют себя в руки мужа.

– А какую должность занимал Уоррен в агентстве?

– Да вы точно с Луны свалились, – Миранда явно не могла представить, что на планете Земля существуют люди, чья жизнь не вращается вокруг «Ар энд Джи». – Мистер Стин был главой клиентского отдела и младшим партнером. То есть он до сих пор им является, пока не будет вынесен приговор.

– А Винсент Ричардс?

– Он тоже был младшим партнером, но возглавлял продюсерский департамент.

Для меня эти термины ничего не значили.

– Это правда, что пишут в газетах? Что Ричардс и Уоррен боролись за место в совете директоров?

– Абсолютная правда. Мистер Рэнфорд, который основал агентство, давно подумывает об уходе на пенсию. Они с мистером Гельбом хотели расширить правление и дать больше полномочий молодым сотрудникам, чтобы кто-то смог возглавить компанию, когда мистер Рэнфорд отойдет от дел. Мистер Стин работал в «Ар энд Джи» дольше, у него был огромный опыт и верные клиенты. Но мистер Ричардс, хоть и был моложе, был настоящим гением рекламы. С ним агентство стало одним из ведущих в Калифорнии. Выбор должны были сделать все акционеры, но ходили слухи, что сам мистер Рэнфорд отдаст предпочтение Винсу.

Я был готов согласиться, что у брата был хороший мотив ненавидеть конкурента. Ричардс был моложе на тринадцать лет, но уже мог рассчитывать на серьезный карьерный взлет. Уоррен всегда ревниво относился к чужим успехам.

– Миранда, кто там? – раздался голос сверху.

– Дуглас пришел. О котором я никогда не слышала, – протрубила подруга.

– О боже, почему ты меня не разбудила? Скажи ему, что я сейчас приведу себя в порядок и спущусь. Одну минутку.

По лестнице зацокали каблучки, и в гостиной появилась Пегги, одетая в платье в крупный горох и домашние парчовые туфли без задников. Конечно, ей потребовалась далеко не минутка. Невестка расчесала и взбила волосы, тщательно покрыла лицо слоем пудры, подвела глаза и накрашила ресницы так, что теперь они напоминали обувную щетку. Но все равно было видно, что женщина находится на грани нервного срыва. Я поразился переменам, произошедшим с Пегги за последние годы. Насколько я помнил, она всегда была румяной улыбающейся малюткой, склонной к умеренной полноте, напоминавшей любому холостяку о прелестях домашнего уюта. Теперь же от аппетитных форм ничего не осталось – платье висело ней мешком, исчезли округлые щеки с ямочками, никакой грим не мог скрыть синеву под глазами. Если бы не горькие складки у рта, сейчас Пегги больше всего была похожа на испуганного ребенка.

– Дуг, как я рада тебя видеть, – сноха бросилась ко мне и схватила мою ладонь обеими руками. – Извини, что грубо разговаривала по телефону. Я все еще была под действием снотворного. И снова заснула как только положила трубку. Я не ожидала, что ты приедешь так быстро.

– Я могу чем-то помочь тебе и Пенни?

– О, нет, спасибо. У меня много друзей. Миранда сегодня посидит со мной. Я думаю, что нам лучше... уехать на время из города. Родители купили дом на побережье в Орегоне, когда отец отошел от дел. Я могу на время забрать Пенни из школы, пока все не уляжется. В последнее время она совсем отбилась от рук. Такой возраст, понимаешь. Не хочу, чтобы она страдала еще больше, если в школе начнут болтать про ее отца.

– Ты говорила с Уорреном?

– Нет, – Пегги растерянно взглянула на меня. – Мы не общались последние несколько месяцев. Он пару раз забирал Пенни, чтобы сходить в кино или парк. Но она никогда не оставалась у него ночевать. Как я поняла, его новая... жена не очень хотела, чтобы в доме жил подросток.

– Это возмутительно! – сообщила Миранда.

– В компании все очень добры ко мне. Мистер Рэнфорд сам звонил мне сегодня утром. Он сказал, чтобы я ни о чем не беспокоилась, даже если Уоррена... осудят, и он не сможет платить нам алименты. Мистер Рэнфорд обещал о нас позаботиться. В «Ар энд Жи» встали на мою сторону, когда Уоррен решил развестись. Мистер Гельб даже грозился вышвырнуть его из агентства.

– Мистер Гельб это мой босс, – пояснила Миранда на случай, если я не запомнил с первого раза. – Он очень высокоморальный человек и прекрасный семьянин. У них с женой пятеро детей.

Она определенно начинала меня раздражать. Этой женщине надо было работать не в рекламном агентстве, а в комитете против прелюбодеяний или другой организации, стоящей на страже общественной морали.

– Я просила не увольнять Уоррена. Мистер Рэнфорд со мной согласился. Тот все-таки был слишком ценным и преданным сотрудником, к тому же, он очень щедро поступил со мной и Пенни. Отдал мне часть своих ценных бумаг и регулярно выплачивал хорошее содержание. Продолжил оплачивать школу нашей дочери.

– Но вы все-таки были вынуждены уехать из вашего общего дома?

– Это временно. Уоррен собирался его продать. Он говорил, что им с Вайолет будет вполне достаточно квартиры где-то в модном районе. Он хотел разделить со мной деньги от продажи, потому что дом мы покупали, когда уже были женаты. Дом... требует ухода и внимания. А Вайолет не слишком любит это дело, как я поняла, – закончила Пегги с тоской.

– Как я могу связаться с мистером Рэнфордом? И адвокатом Уоррена. Может быть, с его... женой... Я бы хотел помочь следствию. Как ты знаешь, я работаю частным детективом. Может, я обнаружу обстоятельства, которые пропустила полиция. Что-нибудь, что может сыграть на вашу защиту.

Миранда впервые посмотрела на меня с интересом.

– Дуг раньше работал в полиции, – пояснила Пегги.

– Вас выгнали? Или погнались за большими деньгами в частном секторе? – с воинственной прямоотой спросила Боудикка.

– Ни то, ни другое. Я работаю на себя. Надоело выполнять чужие приказы.

Неожиданно хлопнула входная дверь, и какое-то существо в школьной юбке и блейзере топоча пробежало мимо нас, устремившись прямо к лестнице.

– Пенни! – крикнула моя невестка.

Дочь даже не обернулась, уже начав перепрыгивать через две ступеньки.

– Пенни, немедленно остановись! Вернись сюда, – в голосе Пегги зазвучали неожиданные стальные нотки.

Девчонка остановилась на середине лестницы и начала сердито спускаться, а потом зашла в гостиную, встав на безопасном расстоянии от матери, готовая в любой момент обратиться в тактическое бегство. Я сам не раз стоял так перед отцом, косясь одним глазом на входную дверь.

Пенни оказалась обычным подростком. Может, выглядела чуть младше своих лет, еще нескладной и голенастой, как олененок. Рыжевато-каштановые волосы были пострижены до плеч и как будто светились в редких солнечных лучах, пробивавшихся в комнату сквозь зашторенные окна. Их цвет гармонировал с зелеными глазами, напоминавшими кошачьи. Экзотическое лицо Пенни с высокими скулами, маленьким носиком и щедро очерченным ртом предвещало, что в будущем она превратится в исключительную красавицу. Правда, впечатление сразу было испорчено тем, что девчонка засунула в рот большой палец и начала с остервенением грызть ноготь.

– Пенни, перестань грызть ногти, сколько раз я тебе говорила, – рявкнула ее мать. – Как прошел день в школе?

– Я больше туда не вернусь, – дерзко ответила Пенни. – Отстаньте все от меня, я хочу пойти в свою комнату.

– Тебе что-то сказали насчет твоего отца? – голос Пегги дрогнул.

– Опять отец! Отец, отец, отец. Хватит твердить о нем. Не желаю слышать об этом придурке!

– Пенни, как ты выражаешься! У нас гости.

Девочка равнодушно скользнула взглядом мимо Миранды и уставилась на меня.

– А это кто еще? Очередной папин друг из его чертовой конторы? Пришел поддержать в трудную минуту?

– Пенни! Следи за языком. Это твой дядя Дуглас, младший брат твоего папы.

– О, – Пенни машинально снова потянула палец в рот, но остановилась. – Тот дядя, о котором не говорят?

– Здравствуй, Пенни, – представился я.

– Здравсте. Ну вот, я со всеми поздоровалась. Теперь я могу пойти в свою комнату? И ты не заставишь меня больше ходить в школу. Я вообще больше не выйду из комнаты!

Девчонка стремительно отскочила от матери, которая бросилась к ней с распростертыми руками, и запрыгала по лестнице, как горная антилопа. Пегги устремила за ней следом, выкрикивая что-то о том, что им надо «вместе во всем разобраться».

Мы с Мирандой смущенно переглянулись.

– Мне наверное лучше уйти, – я протянул секретарше свою визитную карточку, на оборотной стороне которой написал номер домашнего телефона. – Передайте это Пегги. Скажите, что она может мне звонить в любое время.

– Хорошо, я так и сделаю. Послушайте, мистер Стин. Эээ... если вы в понедельник утром позвоните мне в контору, я постараюсь организовать вам встречу с мистером Рэнфордом и мистером Гельбом. Как вы понимаете, с адвокатом вашего брата и его новой пассией я никак помочь не могу.

– Вы думаете, Уоррен мог убить Ричардса? – задал я свой дежурный вопрос.

– Откуда мне знать. Он же ваш брат.

Глава 13

Была суббота, поэтому я решительно не знал, что делать дальше. Ехать в адвокатское бюро «Далтон, О’Мэлли и Голдстейн» не имело никакого смысла, наверняка Юджин О’Мэлли, как и всякий уважающий себя адвокат, проводит выходные в уединенном загородном доме, гольф-клубе или в открытом море за ловлей марлина. Если бы я поручил это дело мисс Пиблз, она бы в два счета раздобыла мне его домашний телефон, название этого клуба или точные координаты яхты в океане. Но я не собирался отрывать нашу секретаршу от ругани с сестрой в законные выходные.

Конечно, я мог бы позвонить отцу, который наверняка уже взял в осаду адвоката брата. Но я меньше всего на свете хотел сейчас разговаривать с Робертом Стином, выслушивать его мнение о моей безответственности и неблагодарности, тонко вплетенное в череду многозначительных пауз и хмыканья. Я даже не был до конца уверен, что отец искренне верит в невиновность Уоррена. Скорее ему казалось невероятным, чтобы кто-то из Стинов был настолько беспечным, чтобы дать повод обвинить себя в убийстве.

Поэтому я решил зайти с другой стороны. Поскольку Винсент Ричардс проживал в районе Фэйрфакс, служба шерифа Сан-Антонио быстро спихнула дело на городскую полицию, рассудив, что речь не идет об обычном грабеже. В участок Фэйрфакса с некоторых пор служил мой старый приятель Персиваль Крэддок-Третий, получивший повышение до лейтенанта с переводом. Окончание «Третий» было именно тем, о чем можно было бы подумать – знаком принадлежности к знатной калифорнийской семье со старыми деньгами и маниакальной приверженностью к потомственному куртуазному имени. Правда, как я выяснил пару лет назад, денег в семье уже никаких не осталось, ни старых, ни новых. Отец Вэла кое-как поддерживал привычный образ жизни, распродав остатки фамильных владений и управляя преуспевающим клубом. Его дети выбрали государственную службу. Насколько я знал, Вэл был честным и трудолюбивым полицейским, отдающим все силы работе, а его младший брат и вовсе переехал на Аляску.

Я заехал в участок, надеясь застать там Крэддока, и, к счастью, не ошибся – была его смена.

– А я все ждал, когда ты придешь поздравить меня с повышением, – мрачно сказал Вэл. В эти выходные капитана в участке не было, только несколько дежурных копов, но Вэл все равно присутствовал, исполняя обязанности начальства.

– Я был немного занят, извини. Зато сейчас готов угостить тебя выпивкой.

– Не пудри мне мозги, Дуг. Я знаю, что Уоррен Стин твой брат. Мы арестовали его позавчера. Я удивился, что ты сразу не начал обрывать мой телефон.

– Как я тебе сказал, я был занят. К тому же, мы с братом не общались много лет. Все, что я знаю об этом деле, я прочитал в газетах. Просто хотелось бы получить больше информации.

– Поговори с его адвокатом.

– Я собираюсь так и поступить. В понедельник. Но ты не мог бы мне сообщить чуть больше. Во имя старой дружбы.

– Ты с ума сошел! А если это всплывет на суде? Меня могут обвинить в дискредитации следствия.

Я понимал, что Вэл прав, поэтому не спорил.

– Уходи, Дуг, – серьезно сказал друг, потом наклонился ко мне и быстро забормотал. – Если кто-то спросит, я буду все отрицать. Встретимся через два часа в баре у Зибеля. А теперь вон!

Удивительно, но даже на новом месте работы Вэл не изменял своим привычкам. Он любил пивную у Зибеля на Рейн-стрит еще во времена службы в Энсино, во-первых, потому

что это место не пользовалось популярностью у копов, во-вторых, потому что там наливали отменное пиво и жарили настоящие венские колбаски. Заведение основал некий Зибель, еврей, успевший убежать из Австрии во время аншлюса и так не остановившийся, пока не добежал до самого Тихого океана. Он попытался воссоздать атмосферу традиционной немецкой пивной с деревянными столами и огромными жестяными кружками, а также настоящими «würstchen»¹⁴ и шкварками, зажаренными по семейному рецепту. Вроде бы даже горчицу Зибель делал сам, не размениваясь на дешевый «Хайнц». Естественно, его заведение было дороже обычного окрестного бара и пользовалось популярностью в основном среди упитанных бюргеров среднего класса, заселивших Энсино после войны. К тому же вместе с рецептами колбасок старый Зибель привез в Калифорнию стойкую неприязнь к людям в форме. Полицейских здесь не угощали за счет заведения, поэтому местные копы предпочитали другие бары. За исключением Вэла, который сумел очаровать Зибеля и его сыновей, теперь управляющих заведением. Я знал, что Вэл частенько назначал встречи именно здесь, чтобы избежать внимания коллег из участка.

– И тебе не лень ездить сюда из Фэрфакса? – спросил я, когда заказал нам по кружке ледяного пива и порции сосисок с картофельным пюре.

– Вкуснее здешней еды я ничего не пробовал. Если когда-нибудь на горизонте возникнет миссис Персиваль Крэдок, я запытаю Зибеля до смерти, но выведаю рецепт его говяжьих колбасок. Есть, кстати, и другой вариант. Видишь ее? – Вэл невоспитанно ткнул вилок в сторону румяной девицы в расшитой блузке, ловко подхватившей со стойки сразу шесть жестяных кружек пива. – Люсинда. Внучатая племянница хозяина, недавно переехавшая из Филадельфии. Я на ней женюсь. Старый Зибель поделился с ней семейной тайной, она сама мне сказала. Правда, придется принять иудаизм. Ну да ладно – зато родственника здесь будут угощать бесплатно.

¹⁴ Würstchen (нем.) – сосиски, колбаски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.